

ОН СПЕШИЛ ДЕЛАТЬ ДОБРО

*Рассказ о человеке, который ежедневно и
ежесекундно выполнял одну из главнейших заповедей Христа*

I

«Торопитесь делать добро» – таков был девиз Федора Петровича Гааза, человека совершенно удивительного, жившего в Москве в первой половине девятнадцатого века. Он родился в Германии (настоящее его имя Фридрих Иосиф), окончил курс медицинских наук в Вене, специализируясь на глазных болезнях. Он исцелил

русского вельможу Н. Репнина, и тот в 1802 году пригласил его в Россию.

Генерал-губернатор Москвы князь Дмитрий Владимирович Голицын предложил Федору Петровичу стать членом тюремного комитета и главным врачом московских тюрем. Этому делу Гааз отдал себя без остатка, на деле показав, что добро можно делать каждый день и каждый час.

По роду своей деятельности Федор Петрович часто бывал в пересыльном арестантском замке на Воробьевых горах, откуда осужденных отправляли в Сибирь. Однажды две сестры-девушки со слезами просили штаб-лекаря Гофмана не разлучать их.

– Я тебя уже два раза оставлял с твоей больной сестрой, – сказал лекарь младшей сестре, – а теперь не могу. Если не хочешь разлучаться, то пусть больная переможет себя и идет.

Сестры согласились, предпочитая умереть вместе, чем быть разлученными.

Доктор Гааз, осматривая арестантов и увидев, в каком тяжелом состоянии находится старшая сестра, сказал полицмейстеру полковнику Миллеру, что ее отправлять ни в коем случае нельзя – она на этапе умрет.

– Хорошо, доктор, оставьте ее, – ответил Миллер.

– А сестра?

– Пусть отправляется.

– Этого допустить нельзя! – горячо возразил Гааз. – Когда сестры вместе, они могут помогать друг другу. Если же их разлучить, то трагедии не избежать.

Миллер остался непреклонен.

– Я говорю не от себя, но от имени тюремного комитета, авторитет которого вы должны уважать, – не отступал доктор.

– Авторитет тюремного комитета я не только уважаю, но и ценю, – ответил полковник, – закон же я нарушить не могу.

– Речь идет не о законе, а человеколюбии.

– Я человек военный и изменить ничего не могу.

Доктор Гааз секунду помолчал, а потом твердо произнес:

– Я вынужден буду доложить об этом инциденте самому Государю.

– Воля ваша.

– Кроме земного суда, есть Высший суд, – продолжал Гааз. – Никто из нас его не избежит. Мы предстанем на нем вместе с этими несчастными сестрами, и тогда они выступят как обвинители.

Полковник потупил голову.

– Хорошо, – наконец сказал он. – Оставьте обеих сестер.

«Постояльцы» арестантского замка ждали посещения доктора как праздника. Они сложили о нем поговорку: «У Гааза – нет отказа». Самые тяжкие и закоренелые преступники относились к нему с чрезвычайным почтением. Он смело, без охраны, входил в камеры «отпетых» злодеев – с клеймами на лице, наказанных плетью, приговоренных в рудники без срока – и оставался там длительное время. Не было ни одного случая, чтобы арестант оскорбил его или дерзко с ним разговаривал.

Однажды губернатор Сенявин, приехав к Гаазу домой, стал свидетелем необычной картины. Закованный в

кандалы, доктор шагал взад и вперед по комнате, ведя счет своим шагам.

– В чем дело? – спросил Сенявин, когда Федор Петрович остановился.

– Я создал облегченные кандалы и прошел в них расстояние, равное первому этапу до Богородска, – ответил Гааз.

– Ну и как?

– Несладко, – ответил Федор Петрович, вытирая со лба обильный пот. – И все же в таких кандалах страдальцам будет намного легче.

В журналах московского тюремного комитета с 1829-го по 1853 год было записано сто сорок два предложения Гааза с ходатайствами о пересмотре дела, о помиловании осужденных или о смягчении им наказания. Председателем этого комитета был знаменитый митрополит Филарет (Дроздов). Ему наскучили постоянные и, быть может, не всегда строго проверенные, но вполне понятные ходатайства Гааза о невинно осужденных.

– Вот вы говорите, Федор Петрович, о невинно осужденных, – заметил однажды владыка. – Таких нет. Если человек подвергнут каре, значит, за ним есть вина...

Вспыльчивый Гааз вскочил с места.

– Да вы о Христе забыли, владыка! – воскликнул он.

Члены комитета смутились и замерли: таких слов влиятельному митрополиту никто никогда не говорил. Но глубина ума Филарета была равносильна сердечной глубине доктора. Архиерей поник головой и замолчал. Прошло несколько томительных минут. Наконец владыка встал.

– Нет, Федор Петрович, когда я произнес мои поспешные слова, не я о Христе позабыл – Христос меня позабыл, – сказал он, благословил членов комитета и вышел из комнаты.

Поражает смирение, проявленное маститым архиереем, оно говорит о его чрезвычайно высокой духовности.

II

Как-то московский тюремный замок посетил Государь Император Николай Павлович, который обратил внимание на согбенного старика семидесяти лет.

– Что это за человек? – спросил Государь.

– Он приговорен к ссылке в Сибирь, – ответил сопровождавший его чиновник.

– А почему он до сих пор здесь?

– Его задерживает доктор Гааз. Он считает, что арестант очень дряхл и долго в пути не протянет.

– Значит, ты считаешь, что он не должен нести заслуженного наказания? – обратившись к Гаазу, спросил Государь.

Вместо ответа доктор опустился на колени.

Думая, что тот таким способом просит прощения за допущенные послабления арестанту, Государь (он знал доктора лично) сказал:

– Полно, Федор Петрович, я не сержусь. Встань.

– Не встану! – решительно ответил Гааз.

– Ну, я же говорю тебе, что не сержусь на тебя. Чего ты еще хочешь?

– Государь, помилуйте старика. Ему осталось жить совсем немного. Он настолько слаб, что не осилит и

нескольких этапов. Я не встану, пока Вы не помилуете его...

Государь задумался.

-На твоей совести, Федор Петрович, – сказал он, наконец. – Я милую его.

Только после этих слов счастливый и взволнованный Гааз встал с колен.

В Москве Федора Петровича знали все жители, от мала до велика. И не только знали, но и любили. Однажды в морозную зимнюю ночь доктора срочно вызвали к больному.

– Быстрее запрягай лошадь, – распорядился Федор Петрович, обращаясь к своему бессменному кучеру Егору.

Тот замешкался, и Гааз не стал его ждать. Он вышел на улицу в надежде поймать извозчика. Как нарочно, поблизости никого не оказалось. Тогда доктор пошел пешком. Шагал он быстро да и дорогу знал хорошо. В темном безлюдном переулке его остановили грабители.

– Снимай шубу, – распорядился один из них.

– Братцы, да вы что, – оторопел доктор. – Куда же я без шубы?

– Снимай, говорят.

– Да ведь я замерзну, – пытался урезонить грабителей доктор. – Смотрите, какой мороз.

– Поменьше слов, любезный! Мы шутить не любим!

– Да я вижу, что вы люди серьезные. Но и я не на прогулку вышел – я спешу к больному.

– Нас мало интересует, куда ты идешь. Нас интересует твоя шуба и твой кошелек.

– Кошелек мой тощ, как бездомная собака, а шуба, хоть и волчья, но старая, вытертая и вряд ли вас устроит.

– Устроит да еще как! Скидавай!

– Ну, хорошо, – согласился доктор, – пусть будет по-вашему. Шубу я вам отдам, только сначала я должен навестить больного. Скажите ваш адрес, и я пришлю ее вам.

– Нашел дурака, – рассмеялись грабители. – Вместо шубы ты пришлешь полицейских. А мы их не очень-то почитаем.

– Не бойтесь, я вас не выдам, я еще никого не обманывал. Меня зовут доктор Гааз. Я живу в больнице в Малом Казенном переулке.

Наступила секундная пауза.

– Батюшка, Федор Петрович, – воскликнули грабители. – Так бы сразу и сказал, кто ты. Прости нас, окаянных. Иди с Богом.

– Ну, вот и хорошо. Вот вам на чай, а я побегу.

– Мы тебя проводим, а то вдруг кто еще...

– Нет, нет, благодарствую. Мне тут рукой подать, – уже на ходу ответил доктор.

Движимый редким человеколюбием, Гааз устроил в ветхом доме упраздненного Ортопедического института Полицейскую больницу для бездомных. Простонародье Москвы единодушно прозвало ее «Гаазовской». Сюда поступали люди, найденные на улице, изнуренные нуждой или болезнью. Когда в лечебницу поступали новые больные, а свободных мест не было, доктор устраивал их в собственной квартире и сам за ними ухаживал.

В тюремном комитете раздались голоса против этой лечебницы (она не была предусмотрена уставом), и ей грозило уничтожение. Гааз решил во что бы то ни стало отстаивать свое детище. Получая в качестве старшего врача

больницы всего 285 рублей 72 копейки в год, он почти всю сумму тратил на больных. Ремонтировать лечебницу ему помогали знакомые купцы-благотворители. Доктор вел большую переписку, сражаясь с комитетом, часто обращался к обер-полицеймейстеру, в ведении которого была лечебница, умолял нового генерал-губернатора Щербатова сохранить учреждение, которому симпатизировал его предшественник, – и добился-таки своего: Полицейская больница была признана постоянным учреждением для приема страдальцев. В лечебнице было сто пятьдесят кроватей, на каждого пациента отпускалась весьма скромная сумма. Между тем население Москвы росло, увеличивалось число бездомных, отказывать в приеме Гааз был не в силах, и вскоре число больных, нашедших себе приют в лечебнице, увеличилось почти вдвое.

Началась тягостная переписка с комитетом и с другими ведомствами, начальство требовало объяснений и отчетов по любому пустяку. Стали раздаваться обычные обвинения против Федора Петровича в нарушении порядка, в злоупотреблении переходящей всякие границы филантропией, не желающей ничего знать, кроме своих излюбленных пациентов – босоногих бродяг и оборванцев. Гааз или отмалчивался, или давал объяснения, признаваемые явно неудовлетворительными, но числа больных все-таки не сокращал.

Князь Щербатов (к нему постоянно поступали жалобы на доктора) вызвал к себе Гааза и потребовал сократить число пациентов до нормы, то есть до ста пятидесяти человек.

– Я не могу этого сделать, – ответил Гааз.

– Почему?

– Мои пациенты – особые. Жизнь в них еле-еле теплится. Если их выбросить на улицу, они погибнут. Я отвечаю за них перед Господом Богом.

– И все же надо соблюдать порядок, – сказал генерал-губернатор. – Мое последнее слово: сто пятьдесят человек, и ни одного больше.

Старик опустил на колени и заплакал навзрыд. Слезы ручьем текли на его поношенный сюртук.

Сердце генерал-губернатора дрогнуло. Он понял, что его требование превышает силы старика.

– Что ты, что ты, Федор Петрович. – Щербатов поспешно подошел к Гаазу. – Прости меня. Считаю, что я не говорил последних слов.

Он помог ему подняться.

Разговор о больнице не поднимался больше до самой смерти Гааза. По молчаливому соглашению все стали смотреть на ее «беспорядки» сквозь пальцы.

III

Строгий блюститель нравов, Федор Петрович влиял на людей не только советами и наставлениями, но и другими способами. У одного из московских купцов, старого холостяка, была весьма соблазнительная картина. Она висела в его спальне, задернутая зеленой тафтой. Ему захотелось показать ее доктору Гаазу. Купец заранее приготовился услышать нелестные слова в свой адрес. Он ошибся. Доктор долго молчал, а затем произнес:

– Продайте мне эту картину.

– Федор Петрович, я вас очень уважаю и поэтому продать не могу, – сказал купец. – Я дарю ее вам.

– Нет, – возразил гость, – подарка мне не надо. Я прошу вас продать картину.

– Хорошо, – согласился купец и заломил баснословную цену.

– Картина за мной, – сказал Федор Петрович и, попрощавшись, тотчас уехал.

Через три месяца он снова навестил купца и вручил ему требуемую сумму. Тот не без сожаления расстался с полотном.

Прошло несколько дней. Купец затосковал. Ему захотелось хоть одним глазом еще раз посмотреть на любимую картину. Он приехал к доктору. Завязалась беседа, в течение которой гость искал глазами искомый предмет и... не находил его.

– Где же мое сокровище? – спросил он, наконец, у хозяина.

– Здесь, рядом с тобой, – ответил Гааз.

– Да где же? Я не вижу его, – воскликнул с досадой купец.

– Оно... в печке, – пояснил хозяин.

Все мы хорошо помним знаменитый роман Виктора Гюго «Отверженные», и в частности, эпизод, в котором рассказывается о том, как епископ Мириель приютил и обогрел бывшего каторжника Жана Вальжана. Утром, покидая гостеприимный дом, Жан Вальжан похитил несколько серебряных ложек. Но ему не удалось воспользоваться ими: жандармы схватили вора и привели к епископу. Тот встретил своего знакомца приветливой улыбкой.

– Отчего же, друг мой, вы не взяли и серебряные подсвечники, которые я вам тоже подарил? – спросил он.

Толчок для нравственного перерождения был дан, и Вальжан, духовно просветленный, вступил в новую жизнь.

А вот что случилось в Малом Казенном переулке лет за двадцать до выхода в свет «Отверженных». К Гаазу пришел бедный человек, страдавший каким-то недугом. Доктор помог ему и советом, и лекарством. Уходя, пациент украл ручные часы, которые лежали на столе. Не успел он выйти за ворота больницы, как был схвачен с поличным. Сторож предложил вызвать полицейского и составить протокол, но Гааз запретил это делать. Он долго беседовал с вором, напоил его чаем и, вручив ему солидную сумму денег, отпустил с миром.

Однажды в Екатерининскую больницу поступила крестьянская девочка. Ей было одиннадцать лет. Она была поражена редкой болезнью – водяным раком (потом), который в течение пяти дней «съел» поллица. Девочка страдала от сильных болей. Кроме того, лицевые ткани, разлагаясь, издавали невыносимое зловоние. Ни врачи, ни фельдшера, ни нянечки, ни даже родная мать девочки не могли пробыть в комнате, где находилась страдалица, сколько-нибудь длительного времени.

К девочке пригласили Федора Петровича Гааза. Он находился рядом с ней более трех часов. Сидя на кровати, он говорил ей ласковые слова, обнимал, целовал и утешал ее. Он навестил ее еще два раза. Визиты прекратились только тогда, когда девочка отошла в иной мир.

Федор Петрович ездил по Москве на старой пролетке и на старых лошадях. Концы приходилось делать большие, и проголодавшийся доктор останавливался иногда у какой-

нибудь пекарни и покупал четыре калача – один для себя, один для кучера и два для лошадей. В 1850 году почитатели Гааза прислали ему в подарок (разумеется, не указав своих имен) новую прекрасную карету и пару добрых лошадей. Федор Петрович немедленно отправил их к известному каретнику Мякишеву, прося купить присланное за хорошую цену. Вырученные деньги доктор раздал бедным и нищим.

Гааз был высок ростом, широкоплеч, немного сутуловатый, с крупными чертами широкого сангвинического лица. Его голубые глаза светились нежной добротой. Несмотря на неоднократные просьбы друзей, он никак не соглашался написать с себя портрет. Пришлось прибегнуть к хитрости. Князь Щербатов пригласил Федора Петровича к себе и долго беседовал с ним. А в это время художник, спрятавшийся за ширмой, написал портрет гостя, правда, в профиль.

Когда доктор Гааз скончался, то в его квартире, кроме старой мебели, поношенной одежды, небольшого количества книг и нескольких рублей, ничего не оказалось. Полиции пришлось хоронить его за свой счет. В похоронах участвовало двадцать тысяч (!) человек, гроб несли на руках до самого кладбища.

«Самый верный путь к счастью не в желании быть счастливым, а в том, чтобы делать других счастливыми, – писал Федор Петрович Гааз. – Для этого нужно внимать нуждам людей, заботиться о них, не боясь труда, помогая им советом и делом, словом, любить их, причем чем чаще проявлять эту любовь, тем сильнее она будет становиться, подобно тому как сила магнита сохраняется и

увеличивается от того, что он непрерывно находится в действии...»

Николай Кокухин.